

Семье Дняев -
1995 - 31 июля -
Бавл - 426

- Андрей Сергеевич... или все-таки Андрон?
- Да Андрей, Андрей, я устал уже это объяснять. Андроном меня дедушка прозвал.

- Вы - член оргкомитета Московского кинофестиваля. Означает ли это, что вы в самом деле верите в его перспективы?

- Конечно, верю. И все серьезные люди верят - они не смогут не ездить сюда. Москва - столица Европы. Она обязана иметь свой кинофестиваль, и нынешний, кстати, собрал очень представительный состав. Замечательные гости.

- Только что опубликован "Дневник" Юрия Нагибина, и немало его страниц посвящены вам. Вы вместе работали над "Рахманиновым", - кстати, какова судьба этого проекта?

- Пока неясна. Но я вовсе не отказываюсь от него.

- Так вот, в своих дневниках Нагибин вспоминает эпизод, когда вы оказались у него в гостях. И предупредили, что есть будете только гречневую кашу. Нагибин быстро смекнул, что к чему, позвонил жене, и к вашему приходу на столе стояли рябчики, рябина в коньяке, чуть ли не ананасы... И вы все это съели с большим аппетитом, а гречневую кашу ел только он. Вот, замечает повествователь, как много души и непосредственности в этом холодном на вид западнике, иногда играющем в славянофила! Что-то подобное, наизусть не вспомню...

- Все, что написал обо мне Нагибин, для меня честь. И повод для восхищения. Я перед ним преклонялся. Это был настоящий писатель - и, как все настоящие писатели, циник. В нем злость была, хорошая литературная злость, верный признак подлинного таланта. Что до западника и славянофила... ну какое сегодня может быть славянофильство в его традиционном понимании! Что это за идея национальной исключительности, что за панславизм! Ничего этого в реальности представить себе нельзя. Если думать так означает быть западником, то и пожалуй-ста...

Я вообще не причисляю себя к сторонникам каких-то жестких взглядов. Я конформист, господа, конформист...

- Это для вас не ругательство?

- Ни в коей мере! Я никакой нетерпимости, непримиримости не люблю. Это ведь одно и то же - неконформизм и непримиримость. Хватит, побыли неконформистами. Я мягкий человек.

- Известен чуть ли не скандал вокруг вашего самого "звездного" фильма "Танго и Кэш". Что там все-таки произошло с режиссурой?

- Это наименее моя из моих картин. Говоря строго, она моя процентов на семьдесят. Я решил доказать себе, что могу сделать настоящую голливудскую картину, со "звездами". Все "звезды" в Голливуде знают, как им играть и в каком имидже их хотят видеть. Режиссер может, покуривая, читать газетку. У меня были несколько иные представления о картине. Я хотел, чтобы Сталлоне у меня появлялся только во фраке. В абсолютно нетрадиционном имидже. И финал я себе мыслил иначе. В Голливуде настояли на изменении финала. Я отказался доснимать картину. Но по традиции, поскольку основную часть сделал я...

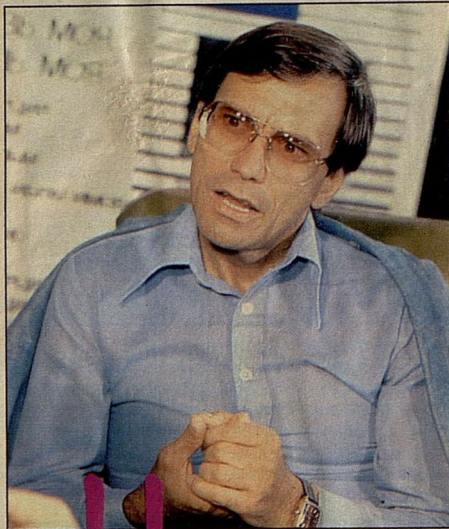
- А оперы вы почему любите ставить?

- Я вообще театр люблю больше, чем кино. Страшную вещь вам скажу: не люблю кинематографа! В театре почти все время - творчество. А в кино - пять процентов творчества и девяносто пять - производства.

- Исходя из этого, вы и решили ставить "На дне" в Ленкоме?

- Идея очень давняя, восходит еще к американским временам, когда предлагали это перенести

КОЗЫРНОЙ ТУЗ МЯГКИЙ ЧЕЛОВЕК



НЕ ЛЮБЛЮ КИНЕМАТОГРАФА!

Андрей Кончаловский, - кажется, первый русский режиссер, добившийся настоящего успеха в Голливуде. И едва ли не первый режиссер, который отошел от традиционной русской учительной традиции. У него репутация "западника", но не в западничестве дело. Обвиняют Кончаловского в цинизме, в равнодушии к Отечеству, в избыточной трезвости взгляда - короче, во всем, в чем у нас традиционно виноват просто художник, художник без тенденции.

Все картины Кончаловского вызывающе непохожи одна на другую. Трудно вообразить, что "Первый учитель" и "Дворянское гнездо", "Танго и Кэш" и "Поезд-беглец", "История Аси Клячиной" и "Куручка Ряба" сняты одним человеком, написавшим к тому же вместе с Тарковским сценарий "Андрея Рублева" и поставившим за границей несколько классических опер. Кончаловский растет непрерывно, учась на каждой новой картине и каждой новой фактуре. Оттого так интересен любой разговор с ним, чуждым всякого самолюбования и никогда не раскрывающимся до конца. Эта беседа состоялась в студии московского бюро радио "Свобода", в программе "Лицом к лицу. Лидер". В эфир, разумеется, могло пойти не все: время передачи ограничено. С Кончаловским беседуют Марк Дейч, Марина Тимашева и автор этих строк.

на тамошнюю почву. Я хочу поставить "На дне" здесь и сейчас, потому что это ведь страшно актуальная пьеса. Для нынешнего состояния России - будет смотреться как только что сочиненное. Но это уже не ночлежка начала века. Это распадающийся мир конца столетия: после войн, после Хиросимы... И будет очень интересный эффект, когда все эти роли сыграют звездные, всенародно любимые актеры Ленкома.

- Почему вы все-таки уехали в Штаты? Ведь у вас не было явных конфликтов с системой...

- Каждый мужик, доживая до сорока лет, ощу-

щает необходимость какого-то решительного шага. Надо переламывать жизнь. А насчет конфликтов... да, у меня действительно была всего одна запрещенная картина. "Ася Клячина". Запретили ее по смешному поводу: она не понравилась секретарю горьковского обкома партии. Я ведь там снимал, в селе Безводное... Этот начальник тамошний решил, что в картине очерняются крестьяне. А он, надо вам сказать, был друг Дубчека, товарищ его по общежитию. И было решено послать его в ЧССР, чтобы он, пользуясь своим влиянием и старой дружбой, отговорил Дубчека делать пражскую весну. Чтобы послать человека в Чехословакию, он должен был пребывать в ранге не меньше члена Политбюро. Его ввели в Политбюро, и его мнение о картине приобрело решающее значение.

- А почему во второй части "Аси" у вас совсем не работают, а только пьют?

- Почему - не работают? Они думают - это гораздо важнее. В первой части была такая наивная поэзия труда. А вообще - я и не жалею особенно, что ее тогда запретили. Я люблю эту картину, да... но зато на меня стали смотреть иначе. А то до сих пор смотрели бы как на сына автора Государственного гимна СССР.

- Кстати, у вас бывали разногласия с отцом?

- Сколько угодно. Это никак не отражалось на наших отношениях. Я - дитя XX съезда, я помню, как всю ночь с Мишей Козаковым шатался по Москве и обсуждал то, что на этом съезде было сказано... А отец - все равно, при всех наших разногласиях, благороднейший человек. Дворянин. Талантливый поэт, которому в 24 года дали за детские стихи - случай беспрецедентный! - орден Ленина. В 24 года! Чья голова не закружилась бы? Но он действительно для меня образец благородства. Он многим помог, он много написал прекрасных вещей, он никогда не давил на меня, только иногда приговаривал: "С-смотри!"

- Какой вам видится Россия будущего?

- Да такой же, как всегда...

- Сугубо частный вопрос. В "Любовниках Марии" у вас снималась Настасья Кински. У нее были романы почти со всеми режиссерами, которые ее снимали. А с вами? Я почему спрашиваю: это мой идеал, и возникает понятная ревность, если что-то было, и благодарность, если чего-то не было...

- Если б и было, не сказал бы, - я не очень открыт в вопросах пола; но не было, поверьте ли... Хотя именно на этой картине она забеременела. Настасья - из тех красавиц, которых называют гениальными ошибками природы. Гениальная ошибка: она ведь некрасивая, но есть в ней та волшебная изменчивость, которая делает женщину неотразимо притягательной! Ее трудно снимать: у нее длинный нос, узкое лицо, большой неправильный рот... Но она так красива бывает! У нее, мне кажется, глубоко в душе сидит некая уязвленность, комплексы какие-то, чуть ли не из детства: ее очень трудно снимать в сексуальных эпизодах. Она могла после съемок чем-нибудь запустить в меня, выругаться... потому что знала, что я ее люблю.

- Вы наверняка задумываетесь о смерти?

- Только дурак не задумывается.

- И наверняка пытаетесь понять, что можно называть лучшим из сделанного?

- А вот об этом я не задумываюсь. Потому что лучшее, что я сделал, это мои дети. И вообще, я согласен с Ниной Берберовой: "Вот это синее небо с редкими кучевыми облаками и запах - чего? - ну, хоть навоза. - Вот это и есть главное, и загробная жизнь, если она даже и есть, так мало значит рядом с этим".

Записывал Дмитрий БЫКОВ.